DOI: 10.17117/na.2016.04.04.133

Поступила (Received): 27.04.2016

<http://ucom.ru/doc/na.2016.04.04.133.pdf>**Полетаева Ю.Г.****Специфика обоснования категории личности
в «тринитарной» теологии Блаженного Августина****Poletaeva Yu.G.****Specificity study of personality category in the
"Trinitarian" theology of St. Augustine**

Утверждается, что культура христианства сформировалась в результате взаимопроникновения противоположных культурных эпох: греко-римской и ближневосточной. Двойственность характерна для мировоззрения Аврелия Августина. Она обусловлена стремлением к снятию и синтезированию вышеуказанных культур, модусом историчности человеческого выбора. Августином ставится идеал целостной личности. Новая концепция личности разрабатывается Августином в ходе осмысления «Тайны Троичности». Рассматривается теологическая концепцию, согласно которой человеческая личность, содержит и выражает образ Божественной Троицы – как триединство категорий Бытия, Мышления и Воли

Ключевые слова: культура, эллинизм, история, догмат триничности, личность

It is alleged that Christian culture is shaped by the interaction of opposing penetration cultural epochs: Greco-Roman and the Middle East. Duality for world Aurelius Augustine. It is caused by the desire for removal and synthesizing the above crops, mode of historicity of human choice. Augustine put the ideal of the whole person. The new concept of personality developed by Augustine in the understanding of "Mystery of the Trinity." We consider the theological concept that the human personality, contains and expresses the image of the Divine Trinity – as the trinity of the categories of Being, Thought and Will

Key words: culture, hellenism, history, dogma of the Trinity, person

Полетаева Юлия Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент
Уральский государственный аграрный
университет
г. Екатеринбург, ул Карла Либкнехта, 42

Poletaeva Yulia Gennadievna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor
Ural state agricultural university
Ekaterinburg, Karla Libknechta st., 42

Духовная культура раннего христианства сформировалась в результате взаимопроникновения двух противоположных исторически завершенных и целостных культурных эпох: греко-римской и ближневосточной. Ближневосточная культура в качестве специфической совокупности достижений общества в его материальном и духовном развитии оказалась в состоянии определить для греко-язычного, а позднее – для латинского мира в период его духовного, социально-исторического и политического кризиса, особым образом специализированные стороны духовной деятельности человека, снимающей посредством

синтезирования противоречия предшествующих культур. Переходный характер описываемой нами позиции Августина в данном вопросе – олицетворение противоречий позднего эллинизма. Двойственность его мировоззрения обусловлена стремлением к снятию и синтезированию противоположных по своему характеру принципов вышеуказанных культур, неким модусом вышеуказанного «исторического момента человеческого выбора».

Позицию Августина в этом вопросе можно определить уже не только как противоречивое смешение элементов манихейства, раннехристианских идей и неоплатонизма, однако важнее всего то, что здесь ему удалось поставить собственные проблемы, ускользавшие от позднеантичных и раннехристианских гносеологических концепций. Согласно А.Ф. Лосеву: «Переходность Августина в этом отношении заключается в характере истолкования неоплатонизма, а не в самом неоплатонизме». Во многом сходным является высказывание Е.Н. Трубецкого: «Августин есть во всех отношениях олицетворение той переходной эпохи V-го столетия, когда один, обветшавший мир рушится, а другой создается на его развалинах. Он стоит на рубеже между древностью и средними веками: собирая обломки древней культуры, он вместе с тем закладывает основы средневекового, частью же и новейшего европейского мирозерцания. Перед Августином носится идеал целостной личности, пребывающей в состоянии мира и покоя» [7, с. 14; 25]. Рассмотрим все вышеуказанное подробнее.

Способ собственного или переходного обоснования неоплатонизма выстраивается у Августина на основании критики доникейской идеи субординационизма, которая заключалась в теологическом рассмотрении тринитарного догмата посредством признания эманационной идеи. Понятие эманации отражает процесс исхождения низших, то есть убывающих элементов и отношений бытия из высших, неподвижных и неисчерпаемых, развитие вспять к наименее совершенному состоянию. Таким образом, в неоплатонизме скрупулезно, в совершенной форме разрабатывается, формулируются «тончайшие» триадные закономерности понятия сверхединого. Трудности в построении христианской персоналистической логики были сопряжены с античной, а по сути платонической и неоплатонической идеей, заключающейся в указанной выше идеально-материальной иерархии окружающего мира и нарастающей субординацией ее основополагающих элементов. Согласно Тертуллиану вторая ипостась «Сына» в тринитарной структуре не является «единосущей» предельному совершенству сверхединого, которого он называет «Отцом». Рождение Бога-Сына происходит из сущности Бога-Отца в связи с творением мира, представляя собой теологический принцип «раздельной множественности» [4, с.41]. Напротив, Ориген, впервые в истории раннехристианской философии используя в своих размышлениях апофатический метод определения сущности абсолюта, доказывает необходимость неоплатонического учения о целостности сверхсущего первоединства, которое подтверждало бы персоналистическое основание христианского вероучения. Однако, по мнению А.Ф. Лосева, именно Оригену принадлежит переходная позднеантичная идея принципиального эманационного субординационизма, когда используя античный космологический принцип познания объек-

тивного мира в истолковании природы Христа как Логоса, выступающего результатом последовательной эманации Бога-Отца. (Антиисторичность и вневременность у Оригена).

Августином отрицается необходимость отождествления сущности (*oysia*) и субстанции (*hypostasis*), разрабатываемая в рамках формально-понятийного теологического метода в богословии представителей Каппадокийской школы. Каппадокийские отцы церкви сохранив доникейское богословское положение о принципиально онтологическом рассмотрении проблемы сопряженности понятия сущности, потенции и энергии (какого-либо свойства), посредством приемов неоплатонической интерпретации, понимают под сущностью (Бога) мыслимую в форме некоего «нумерического» единства действительность, но осмысляемую как «безраздельно принадлежащую трем Лицам». Согласно высказыванию Т.Г. Сидаша, Василий Великий выдвигает на первый план в качестве гносеологических предпосылок формирования каппадокийских основных богословских понятий номиналистическое (эмпирическое) обоснование тождественного отношения умопостигаемого, чувственного и божественного [6, с. 374]. Содержанием понятия абсолютной сущности, относящемуся именно к чувственной составляющей, выступает совокупность потенций и энергий и одновременное обнаружение и разворачивание потенций «в миротворении, провидении и спасении». Согласно утверждению И.В. Попова: «Онтологическая схема сущности, потенции и энергии сохраняет свое значение в учении о богопознании и после Никейского Собора, но она была использована Каппадокийцами совершенно иначе. Каппадокийцы удерживают мысль доникейской литературы о познаваемости энергий и непознаваемости сущности, но для них энергии не Божественные Ипостаси, а силы Божии, действующие в мире, сущность же Божественная природа, которой сообща обладают все Ипостаси» [5, с. 517]. Результатом рационального исследования монотеистического понимания абсолюта, по Григорию Нисскому, выступают субстанциональные проявления непостижимости трансцендентного абсолюта как «бескачественной монады».

Присоединяясь к мнениям Т.Г. Сидаш, И.В. Попова, а так же принимая во внимание античное теистское положение о противопоставлении «личности» и «вещи» и оставляя за первым элементом данного соотношения некую сверхличную полноту, бесконечность, духовно созерцаемую, мы отметим, что Августин находит необходимым формулирования нового понятия, определяющего сущность высшего абсолюта как «личности» как *persona*. Новая концепция личности разрабатывается Августином посредством осмысления «Тайны Троичности», представляющая собой теологическую концепцию, согласно которой человеческая личность, содержит и выражает образ Божественной Троицы – как триединство категорий Бытия, Мышления и Воли [8, с. 267]. Все три лица в христианском тринитарном соотношении, обладающие специфическими ипостасными свойствами, сводились к «одной и той же личности» и в то же время каждая из них выражала собой «полноценную личность» [3, с. 260]. Напротив, исходя из вышесказанного, каппадокийский способ обоснования тринитарной проблематики содержал Платиновское категориальное отождествление субстанции как трансцендентной реальности обладающую внутренним единством

в бесконечно многообразных видоизменениях с неоплатоническим понятием ипостаси, подчеркивая, таким образом, безличные формальные закономерности их построения. Неделимые личностно-ипостасные свойства трансцендентной сущности – субстанции не получают достаточного разрешения в их теологических обобщениях. И.В. Попов утверждает, что каппадокийцы сформировали и систематически изложили «православное учение о Боге едином в Троице совершенно равных Ипостасей. Но учение о единсуции трех Ипостасей не оставляло никакой возможности сосредоточивать сущность в Лице одного Бога Отца» [5, там же]. Таким образом, Аврелий Августин сыграл важную роль в окончательном формировании «латинской тринитарной парадигмы», которая благодаря его авторитету закрепляется в Западной Римской империи, кроме того, она полностью вытесняет «греческую тринитарную парадигму», сформированную в западной латинской патристике усилиями наиболее выдающихся ее представителей, таких как Иларий Пиктавийский и Амвросий Медиоланский.

Согласно уже высказанной ранее принципиальной идее Августина Блаженного о «познании Бога от Творения», логически-необходимым элементом изложения понятия трансцендентного абсолюта как личности выступает иным образом истолкованная платоновская «принципиально проведенная трансцендентность первого начала» (- Единого). Рассматривается данное утверждение в качестве своего рода достаточного основания для осмысления «содержательно – личностного» понимания сущностного атрибута ипостаси. Сформулированная Августином категория личности как *persona* предполагает поэтому одновременное (обусловленное позднеантичным характером переходности эпохи) рассмотрение неоплатоническое «полной непричастности Единого какой бы то ни было форме. Оно выше всего вообще, и положительного, и, отрицательного, есть совпадение в одной неразличимой точке всех возможных противоположностей, оно – источник всякого познания и всякого бытия, оно – цель всего существующего» [3, с. 251] и «не античной» монотеистической персоналистической христианской идеи Воплощенной Личности прежде всего как «способа бытия» по отношению к действительному миру и как «способа осуществления» («момента осуществления») – идеи, по мысли К. Барта, «существования и природы существа, которое понимается как высшее, определяющее и господствующее над всем сущим существо, находящиеся в тех или иных отношениях с отличными от него реальностями» [1, с.18]. С этой зрения, Августином осуществляется непосредственное переосмысление как недостаточного, позднеэллистического синкретического («жизненно-конкретного») и универсалистского («лишенного какой-либо личностной оформленности») по своему содержанию положения Плотина о понятии Первоединого, понимаемого как область многообразных выражений бытия. Последнее представлено в качестве «самого сущего, которое есть также и само мышление, и самомышление, это подлинное «акмэ» (расцвет) бытия и мышления» [6, там же] когда «ничто не довлеет другому».

Особенно показательно в вышесказанном то, что понятие трансцендентного обезличенного абсолюта (Первоединого) и способ его постижения, вмещающего способность оперирования действительностью через эманационный процесс, доказывается посредством выведения специального теологического и

методологического допущения. Оно отрицает необходимость построения причинного (телеологического) обоснования явлений окружающего мира. Причинные связи явлений действительности в его теологической картине мира не играют никакой роли. На место целевых зависимостей связей и отношений, определяющих материальные процессы становится положение о соответствии порядку их присоединения к трансцендентному понятию сущности, или неоплатоническая идея причастия. Исследуя критерии понимания «причастной» сущности трансцендентного абсолюта, сообщающего человеку знание о себе, Августин выражает следующее: «Доверь Истине все, что у тебя есть от Истины, и ты ничего не утратишь; истлевшее у тебя покроется цветом; исцелятся все недуги твои; преходящее получит новый облик, обновится и соединится с тобой и пребудет у вечно недвижимого и пребывающего Бога» [2, с. 84-85]. Особое внимание, при этом, Августин направляет на монотеистическое обобщение стоицистской идеи «Доказательство бытия Бога является не столько логическим выводом, сколько фактом, который непосредственно усматривается умом» [5, с.491].

Список используемых источников:

1. Барт К. Очерк догматики. М. 1997. 286 с.
2. Блаженный Августин. Исповедь. М., 2006. 525 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 2000. 958 с.
4. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. М., 2011. 283 с.
5. Попов И.В. Труды по патрологии. Т II. Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 2005. 770 с.
6. Сидаш Т.Г. Неоплатонизм и христианство. Плотин. Эннеады. Шестая Эннеада. Трактаты I- V. СПб., 2005. 474 с.
7. Трубецкой Е.Н. Философия христианской теократии в V веке. Учение Блаженного Августина о граде Божьем. М., 2010. 146 с.
8. Фокин А.Р., Фокин А.Р. Античная философия и формирование тринитарной доктрины в латинской патристике. М., 2013. 438 с.

© 2016, Поletaева Ю.Г.

Специфика обоснования категории личности в «тринитарной» теологии Блаженного Августина

© 2016, Poletaeva Yu.G.

Specificity study of personality category in the "Trinitarian" theology of St. Augustine